КРОКОДИЛ

№ 6 (1692) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 28 ФЕВРАЛЯ 1963

—Умоляем, ну что тебе стоит, изживи недостатки, не позорь коллектив!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Александр НИКОЛАЕВ

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Восьмое марта, как всегда,
сегодня означало
приход такого дня,
когда
весна берет начало.

Мы дарим теплые слова
Жене, подруге, маме.
Мы дали женщинам права.
(А кое-где идет молва:
они их взяли сами!)

Однажды я пришел домой,
хоть стой, хоть на пол рухни,
жена сказала:
— Милый мой!
Купи комбайн для кухни!

Не скрою я семейных тайн:
хоть он немало стоил,
купил я кухонный комбайн
и технику освоил.

Зачем же я тогда к жене
отнесся без доверья?
Теперь обед висит на мне,
варю его теперь я.
На это даже не ропщу,
втянулся понемножку:
сам режу овощи к борщу,
сам чищу я картошку.

Потом стиральный агрегат
(ты рук, жена, не пачкай!)
купил и сам уже не рад:
я стал электропрачкой.

А пылесос
(опять мотор!)
с электрополотером?
Сам выношу из дома сор
и сам кручусь мотором.

Еще придуман агрегат
для вязки и для штопки...
Я жду,
когда ж перегорят
у нас электропробки!

Монтеру я б сказал:
— Браток!
Повремени немножко!
Пусть отдохнет электроток
от стирки и картошки!

Жена на помощь пусть придет,
а я понежусь в ванне
или с ее «Журналом мод»
прилягу на диване.

Я много прав ей дал, друзья,
а сам толкусь, как в ступке.
Надела брюки,
но ведь я
не щеголяю в юбке!

Хоть это вовсе не секрет,
скажу вам по секрету:
есть в нашем доме женсовет,
а мужсовета нету!

И я боюсь не без причин,
что, видимо, придется
за равноправие мужчин
отныне нам бороться.

Зато сегодня мы кутнем!
Я счастья вам желаю
и поздравляю с женским днем
мужчин-домохозяев!

Есть еще у нас нечестные руководители колхозов, которые после избрания на высокий пост начинают свою деятельность с возведения персональных особняков.

(Из письма в редакцию)

УЛИЦ

Сем. НАРИНЬЯНИ

РАССКАЗ

ТУФЛИ

Утром, когда до начала работы оставался всего час, Ольге Ивановне стало плохо.

— Минуточку, — сказала она мужу и, чтобы не упасть, схватилась за косяк двери.

Муж Василий Васильевич подхватил жену, посадил ее на стул. Мужу было и жаль жену и досадно. У женщины серьезный недуг, ей прописан строгий режим, а она, словно девочка-подросток, как только увлечется чем-нибудь, так сразу забывает о больном сердце. Вот вчера жена легла спать в одиннадцать вечера, а через час, в двенадцать, вскочила с постели и просидела за чертежной доской до четырех утра. Видите ли, ей хорошая мысль пришла в голову. Правильно, мысль хорошая. Дом, который проектирует Ольга Ивановна для Черемушек, получается занятным. И тем не менее Василию Васильевичу непонятно, почему хорошие мысли должны приходить в голову его жене не днем, в часы, отведенные для работы, а посреди ночи.

Сам Василий Васильевич любит порядок, размеренность. Когда Василию Васильевичу встречаются люди неорганизованные, неаккуратные, которые живут и работают по настроению, он обычно говорит:

— Нет, бог миловал. Я не из их шайки.

А Ольга Ивановна, к сожалению, была из «их». У нее сердечный приступ, а она роется в сумочке, шарит по карманам халата, ищет лекарство.

— Господи, куда же я сунула его?

Ольга Ивановна чувствует недомогание второй год, поэтому Василий Васильевич знает, как вести себя во время приступа болезни. Он делает сначала все, что требуется правилами первой помощи. Дает лекарство, открывает окно, звонит в «неотложку». Потом начинает делать то, чего не требуют правила. Гладит жене руку, целует.

В парадном раздается звонок. Приходит доктор. Милая, приветливая женщина. Она щупает больной пульс и сразу устремляется на кухню кипятить шприц. Больной нужно делать укол, а у доктора нет стерильного инструмента. Доктор уже не кажется Василию Васильевичу милой, приветливой. «И эта из той же шайки»,— мрачно думает он и кричит на кухню:

— Доктор, больной плохо! Подойдите.

А доктор все еще роется в своем чемоданчике, ищет спички.

— Господи, куда же я сунула коробок?

Василий Васильевич зажигает газ, начинает кипятить шприц, а доктор бежит к больной, прикладывает к ее груди трубку.

— Дышите! Не дышите!

Доктор слушает биение больного сердца, закрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Но вот глаза доктора открываются, и доктор видит на ногах больной туфли. Светло-бежевого цвета. На тонком высоком каблуке, с тонким длинным носом. И, хотя доктор продолжает выслушивать больную, говорить ей те же слова: «Дышите! Не дышите!»,— думает теперь доктор уже не о больной, а о ее туфлях.

— Везет же людям!

Больная перестает дышать, спрашивает:

— Вы о чем, доктор? О моем сердце?

— Нет, о туфлях. Какие они миленькие!

Тут доктор вспоминает, куда и зачем она пришла, и ей становится неловко.

— Простите, ради бога! — говорит она больной. — Это я не нарочно. У меня сорвалось с языка. Как, прощаете?

— Да,— говорит больная и слабо улыбается.

И хотя сердце у Ольги Ивановны ноет по-прежнему, ей, однако, приятно, что доктору понравились ее новые туфли. Муж их даже не

...АБЫВШИХ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

заметил, а вот посторонний человек, доктор, одобрил ее вкус.

Между тем посторонний человек продолжает выслушивать больную. И снова закрывает глаза, чтобы сосредоточить свое внимание только на больном сердце, но сосредоточиться доктору уже не удается. Доктор думает и о сердце больной и о ее новых туфлях одновременно.

— Это у вас давно? — спрашивает доктор.

— Что, туфли?

— Нет, стенокардия.

— Полтора года.

— Небось, и ноге удобно?

— Очень.

— Откройте рот.

Больная открывает рот. Доктор смотрит на язык, спрашивает:

— Сколько заплатили?

— Двадцать пять.

— Всего? — говорит доктор и начинает прощупывать у больной живот.

Лицо доктора сосредоточенно. Доктор хочет что-то сказать и не решается. Больная настораживается: «Неужели доктор обнаружил новый недуг?»

Больная пробует прочесть ответ на лице доктора, а оно словно каменное.

— У меня что-нибудь серьезное? Да вы говорите, не бойтесь,— шепчет Ольга Ивановна, и лоб ее покрывается холодным потом.

Доктор набирается сил и тоже почему-то шепотом спрашивает:

— А можно? Вы разрешите?

— Что?

— Примерить ваши туфли!

«Уф!» — облегченно вздыхает больная и сбрасывает с правой ноги туфлю на пол.

Доктор тотчас перестает мять печень, надевает туфлю и идет от постели до двери. Потом обратно. И снова до двери.

В дверь просовывается голова Василия Васильевича.

— Шприц уже прокипятился.

Доктор говорит «спасибо» и бежит на кухню: одна нога на каблучке, вторая в чулке.

— Что это с ней? — спрашивает Василий Васильевич.

— Ничего, — отвечает жена. — Доктору захотелось примерить мои туфли.

— Доктор что, сумасшедшая?

В это время доктор, простучав каблучком по кафельному полу кухни, влетает в комнату, вытаскивает из чемоданчика какую-то ампулу, легко, двумя пальчиками отламывает головку, наполняет шприц лекарством. И все это проделывает, носясь по комнате в одной туфле. Сторонник порядка и размеренности смотрит, удивляется, а потом, махнув рукой, выходит на кухню, дабы не поругаться.

А доктор, сделав укол, прячет шприц и спрашивает больную:

— Ну, как?

— Хорошо.

— А мне не очень.

— Почему?

— Обидно. Не то я вчера купила,— говорит доктор и, сняв чужую туфлю, надевает свою.

Больная бросает взгляд на ногу доктора и замирает. Как не «то»? Это было именно «то»! Те самые туфли с усеченным носом, которые Ольга Ивановна две недели искала в магазинах, не могла найти и купила взамен остроносые. А доктор нашла усеченные. И цвет у усеченных тот, о котором мечталось. Горчичный. От обиды Ольга Ивановна даже застонала. Доктор подбегает, спрашивает:

— Что с вами?

— А вы не будете смеяться?

— Нет!

— Разрешите померить вашу туфлю?

Доктор снимает туфлю, Ольга Ивановна надевает ее. Доктор подхватывает больную под руку и осторожно ведет ее от постели до двери. Обратно. И снова до двери. И больная идет. Одна нога в туфле с усеченным носом, другая в чулке, и на лице больной и на лице доктора сияет неподдельное счастье.

А в дверях стоит Василий Васильевич и с удивлением смотрит на женщин. Муж думал, уходя на кухню, что он оставил в комнате одну сумасшедшую, а их, оказывается, две.

— Что вы делаете?

— Меняемся туфлями.

Две женщины как ни в чем не бывало садятся друг против друга. Доктор надевает туфли светло-бежевого цвета, больная — горчичного. Затем женщины делают еще один круг по комнате, мило прощаются и расходятся в разные стороны. Доктор, хлопнув парадной дверью, бежит на следующий вызов, больная подходит к мужу.

— Не сердись. У меня уже ничего не болит. Мне легче.

Муж берет руку жены, нащупывает пульс. Сердце и в самом деле бьется ровно, без перебоев. Что же оказало на него такое молниеносное целебное действие? Неужели туфли цвета горчицы? Василий Васильевич смотрит в счастливые, смеющиеся глаза жены и разводит руками.

— Ничего не понимаю.

— Был бы ты женщиной, ты бы понял, — говорит Ольга Ивановна и, свернув трубкой проект нового дома в Черемушках, спешит к метро. Времени до начала работы остается у нее в обрез. Только-только добежать до табельной доски.

Малаховка—Удельная, далее везде

НАУЧИТЕ МЕНЯ ЖИТЬ

— Я к вам по делу необычайного свойства.— Посетитель вывернул шапку наизнанку и вытер вспотевшее от волнения лицо.— Научите меня жить!

— Простите. Вы, кажется, не по адресу...

— Не отказывайте. Я, видите ли, инженер. И к тому же женат. И каждый день жена тянет из меня жилы: «Ты не Илья Александрович, ты не умеешь жить. Получаешь вдвое больше, а где у тебя дача, где у тебя машина? Нет, не умеешь ты жить!» Илья Александрович — замечу в скобках — получает 80 целковых в месяц. Так вот объясните: в чем умение жить?

ДИЕТА И КОЛЬЧУГА

Вразумительного ответа у нас не нашлось. Пришлось обратиться к изучению опыта Ильи Александровича Мнасина, скромного завхоза Малаховского поселкового потребительского общества, оно же ПОСПО.

По отзывам современников, Илья Александрович — человек дьявольски бережливый. Спичек лишний раз не купит, а все норовит прикурить у прохожего. По слухам, экономия на спичках и позволила ему сколотить первоначальный капитал — 50 тысяч в старых рублях — на покупку дачи. Однако дача не соответствовала вкусам завхоза. Он взял счеты, пощелкал косточками и... бросил курить. Экономический эффект превзошел самые смелые ожидания и позволил вложить в переустройство дачи еще 80 тысяч старой монетой.

Семья у Ильи Александровича невелика — сам-третий, а дача получилась велика и обширна. Настолько обширна, что приспело время учредить в ней студенческое общежитие. Учредил.

Студент, он хотя и задирист, но мороза боится. Платит с неудовольствием, но платит. Это и позволило расторопному завхозу сэкономить средства, тратившиеся ранее на сезонку,— Илья Александрович обзавелся «Победой». В общем, экономия — фундамент жития.

Этой жизнеутверждающей формулой мы и одарили нашего унылого посетителя при повторном свидании. Инженер, однако, не спешил записать изречение в записную книжку. Он беззвучно зашевелил губами, прикидывая что-то на пальцах. Три пальца упорно складывались в популярную комбинацию.

— Пятнадцать лет,— выдавил он из себя наконец.

— Кому пятнадцать?

— Илье Александровичу. Пятнадцать лет абсолютной диеты — не пить, не есть, не курить, дабы скопить на дачу и машину при его окладе жалованья. И еще: пятнадцать лет он должен носить одну и ту же одежду. То есть предположительно кольчугу из нержавеющей стали.

Вопрос об умении жить повис в воздухе.

ПЯТЫЙ ДОМ ЗА УГЛОМ

Движимые любопытством и электричкой, мы в тот же вечер прибыли в Малаховку. Мутным желтком просвечивала луна. По избеганному собаками снегу мы двинулись на поиски владений Ильи Александровича. И великолепно заблудились, стиснутые двумя мрачными шеренгами заборов. Снаружи опознавательных знаков не было, а за заборами неприятно лязгали собачьи цепи.

Надо было искать живого человека для справки. И нам повезло. В одном из заборов раздвинулись бронированные створки, и на улицу выскочил заспанный дедушка с трофейной канистрой. Мы к нему:

— Где проживает Мнасин? Мнасин Илья Александрович?

— Мы народ по фамилиям не знаем,— сказал дедушка.— Дача-то у него какая из себя будет?

Мы приблизительно обрисовали, добавив в качестве лишней «приметы» Ильи Александровича наличие машины.

— Пятый дом за углом,— не очень уверенно сказал дед.

Вот она, искомая вилла! Вернее, даже не вилла, а некая архитектурная симфония. Во дворе гараж. А из гаража высунулась по самую дверцу... «Волга».

Выходит, несовпадение? Все же постучались. Из-за гаража, раскинув пасть капканом, выскочил пудовый кобель и с лютой страстью припал к воротам...

Мы ошиблись адресом. Владельцем архитектурной симфонии, «Волги» и пудового кобеля был П. М. Докудовский, рядовой труженик кухни при столовой № 26. Оклад жалованья — 50 целковых. К тому же он единый и неделимый кормилец семьи! Не иначе как выведал Докудовский у Ильи Александровича про тайну жития. И не только выведал, а и разболтал ее по окрестностям. В поисках источников тайны мы набрели на грандиозное, как манеж, палаццо заведующего лесоторговым складом Красковского ПОСПО Верника. При даче, разумеется, был гараж. А в гараже, естественно, «Победа». Затем обозрели чудо-особняк многодетного пенсионера Бреева И. Г.

Для сравнения решили прозондировать почву на станции Удельная. Прозондировали и убедились, что десятитысячные дачи воздвигают здесь не только великие полководцы, ваятели или кандидаты на Нобелевскую премию, но кое-кто еще... Например, скромный мастер колбасного цеха Орданский З. М., малосклонная к ваянию продавщица ларька Анна Школьник и не замеченный в сочинительстве романов и сат заведующий мастерской по ремонту обуви Мельников С. И.

В голову полезли размышления грустные и едкие. И потому, вернувшись в редакцию, мы вызвали инженера-страдальца и сказали:

— Нет, не учитесь жить. И тогда жене не придется носить вам передачи.

ПОЧЕМ МЕТР ПОЛУ

Да ведь бывает, что, и не «умея жить», сколотил человек капиталец. Лояльный капиталец. И, глядишь, вбухал его в дачу.

Но может случиться следующее. Выстроит товарищ дачу и затоскует. Дача вот есть, а капиталу уже нету.

И начинает товарищ выколачивать из дачи рубли обратно.

Вот жил-был, к примеру, в Москве бывший офицер С. Пищериков.

Задумался Пищериков над смыслом цифры «110». И вдруг вспомнил: это же площадь его дачи в Лукине! Добротные такие метры, квадратные! А разделишь на 10 — получишь число одинаковых кусочков, комнат как бы. Если напустить в комнаты дачников, да установить плату, да умножить все это, да сложить, то... В результате за несколько лет — 12 тысяч чистой прибыли в новом рублеисчислении.

Учитель истории К. Мурзин (счастливый обладатель государственной квартиры) предпочитает пускать на личную дачу в поселке Солнцево не каких-нибудь разгильдяев-частников, а представителей передового класса — рабочих станции Москва — Киевская-товарная. А москвичу Н. Никитину непременно подавай для аренды в его щелковские апартаменты какое-нибудь учреждение. Солиднее, спокойнее и деньги платят регулярно.

К ВОПРОСУ О ДИАДЕМАХ

Росли рубли на квадратных метрах. Аккуратно росли. Спокойно росли. И спать хозяевам прибыльных домов можно было совсем безмятежно, с открытой форточкой, на любом боку.

И вот пришло 26 июля 1962 года. Вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР по поводу ликвидации дачных злоупотреблений. «Умельцы жить» мелко засуетились и со страху принялись чудовищно врать. О, как они жалели, что при устройстве на работу заносчиво писали в анкетах: внук безлошадного крестьянина, сын потомственного стачечника-пролетария. Ну как теперь ответить на нехороший вопрос: «Откуда деньжатки?» Приходится врать: дескать, перепахивая вручную окаянный суглинок, мой безлошадный дед зацепил сохой бриллиантовую диадему. Он зацепил, а я унаследовал.

Важно не проворонить момент. Почуял товарищ, что его дачей интересуются, и... бегом в исполком. И с порога—заявление. «Где тут у вас детишки? Дачку я им подобрал. Вот такой ширины, вот такой вышины! Моя дачка. От меня. Безвозмездно. Принципиально».

Один даже в Крокодил прибежал. Прибежал уже знакомый читателю товарищ Мельников, заведующий мастерской по ремонту обуви.

Как он разведал, что редакция интересуется его дачей, уму непостижимо. Товарищ Мельников тоже захотел без проволочек подарить дачу детворе.

— Билет жалко,— сказал он.— Партийный билет. Возил для дачи кирпичики по блату — выговор влепили. Построил — отняли билет. Как бы теперь еще чего не вышло.

Житель поселка Одинцово народный судья Никаноров в исполком пришел также с думами о партбилете.

— С частной собственностью,— устало сказал он,— я лично давно уже мечтаю покончить. Раз и навсегда.

— Ну да,— догадались в исполкоме.— У вас худо-бедно, а три дома имеется. Непорочным дошкольникам передать, конечно, желаете.

— И совсем нет,— сказал судья.— Супруге я желаю передать...

При проверке сомнительных недвижимостей задумано брать курс на общественность. Это хорошо, но...

КОМУ С КЕМ ВОЗИТЬСЯ

Курс берут, но не очень уверенно. Сначала ведет проверку... милиция. Долго ведет, трудная проверка. Потом передает дело в комиссию. Комиссия снова проверяет. Долго проверяет: трудная же проверка! Потом иногда дело отсылают обратно в милицию (так поступает, например, исполком Люберецкого райсовета, Московской области): проверка, мол, неполная, работайте снова. Милиция перепроверяет и отдает в комиссию. Тянутся месяцы, исчезают всякие нужные детали и доказательства.

А тот ли курс берут?

Зачем возиться с нечестным домовладельцем? Ведь сказано же в Указе: пусть домовладелец-жулик сам приходит и возится с комиссией, доказывает свою первозданную чистоту. Это легче и быстрее.

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
Е. МАТВЕЕВ

ПРАЗДНИК ЖЕНЩИН В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

Рисунки
Г. АНДРИАНОВА
и М. БИТНОГО

— Придется сегодня идти на работу в неглаженой шкуре...

— Так! Тщательно вымыть, нарезать на мелкие куски и варить 15 минут...

— Кто последний с подарками?

— Клянусь, через какие-нибудь две тысячи лет этой вазе цены не будет!

— Сегодня я вам уступаю место!

— Несчастный дал обет не возвращаться без мимозы...

Дело о копейке

Нет, нет, друзья, не нужно кривить губы в иронической усмешке: «Какое там еще дело о копейке? Подумаешь — копейка!»

Копейка не шутка. Без копейки и рубля нет. Вдуматься, так ведь и весь огромный государственный бюджет состоит из копеек. Только их очень много — сотни миллиардов. А все равно, каждая на счету. И если в Министерстве финансов при подсчете годового баланса вдруг не досчитаются одной копейки, то уже баланс будет дефектный. Пережить можно, но наиглавнейшему бухгалтеру большая неприятность. И будет ночью супруга его спрашивать в тревоге: «Что это ты, Петр Иваныч, все ворочаешься, не спишь?» А он ей: «Какой тут сон, когда копейки у нас не найдут! Все миллиарды и миллионы сошлись тютелька в тютельку, а ее, проклятой, не хватает. И куда она запропастилась?!»

Итак, дело о копейке.

В субботний вечер москвичка инженер-картограф Галина Алексеевна Козлова задержалась в отделе дольше обычного: много накопилось работы, а она не любила незавершенных дел. Часы показывали половину восьмого, когда, надев пальто и шапочку, Галина Алексеевна спустилась к выходу. Перед тем, как отворить тяжелую дверь, она сняла рукавичку и приготовила деньги на проезд — монету в две копейки и три маленькие копеечки. Она зажала их в рукавичке, чтобы не возиться в автобусе, не раскрывать сумку.

На улице она с наслаждением вдохнула свежий морозный воздух. Так приятно было после долгого пребывания в рабочей комнате идти легкой походкой мимо запорошенных снегом деревьев и слушать, как поскрипывает снег под ногами! И приятно было, что завтра — выходной день и можно еще разок прикинуть, как провести его получше. Может быть, за город на лыжах... А вечером — в театр. А может быть, по-другому... Так, с ощущением чего-то радостного и хорошего, что ожидает ее, Галина Алексеевна подошла к остановке. 81-й автобус подкатил тут же. Она вошла, вынула из рукавички деньги и опустила в кассу. Четыре раза звякнули монетки. Галина Алексеевна оторвала билет и, засунув его в ту же рукавичку, собралась сесть на свободное место. Но ее остановил резкий оклик:

— Гражданка, вы почему же это четыре копейки бросили?

К ней подошли две женщины.

— Платите штраф!

— Какой штраф? — опешила Галина Алексеевна. — За что?

— Известно какой. Полтора рубля. За то, что копейку недобросили.

— Что вы! Я опустила пять копеек. Вам показалось...

— Нам никогда не кажется. Платите полтора рубля и все!

— Я вам честное слово даю, что опустила пять копеек. У меня специально отложены были...

— Ну да, это все честных слов надают заместо денег, а государству убыток.

Женщина-контролер произнесла эти слова таким тоном, будто она, и только она, представляет государство на территории автобуса № 81.

— Чего вы от нее хотите? — возмущенно сказала женщина, сидевшая возле кассы. — Вот я брошу копейку, и оставьте ее в покое.

И она опустила монету в щель.

— Зачем вы это сделали? — спросила Галина Алексеевна. — У меня есть еще копейки. Вот, пожалуйста, возьмите. — Она вынула кошелек, где лежало несколько монеток, и отдала женщине копейку. — Я хочу, чтобы мне поверили, понимаете, поверили. Ведь я же честное слово дала...

— Хватит разговоров! — сказала контролер. — Не хотите платить — идемте в отделение.

Пассажиры зашумели, заволновались, но у контролера был отлично поставленный голос, и шум толпы не мог заглушить его.

Галина Алексеевна в сопровождении двух охранявших ее на случай побега женщин шла по проспекту Мира. Она была уже не просто инженер Козлова, она была «задержанная» и препровождалась в милицию. Это не было таким скорбным зрелищем, как нарисовал Лев Николаевич Толстой в «Воскресении», когда Катюшу Маслову ведут в суд. Не было конвоиров с шашками, шли они не по булыжной мостовой, а по тротуару, но все же было обидно и оскорбительно. Так прошли они переулком на 2-ю Мещанскую, где помещалось 19-е отделение.

Милиция — учреждение серьезное. Дежурный — первый человек, который регистрирует все чрезвычайные происшествия во вверенном ему участке. Контингент его посетителей, как правило, не являет собою лучшую часть человечества. Контингент известный: либо хулиган-дебошир, либо разбушевавшийся алкоголик, либо воришка, задержанный в троллейбусе. Разговор с ними нужен строгий. По печальному опыту дежурный знает, что раз привели в отделение, значит, не зря.

— Ваши документы? — сказал капитан Казаков, как только контролеры ввели Козлову.

— Я хочу вам объяснить...

— Объясните потом. Сначала отвечайте на вопросы. — Он начал заполнять протокол.

Анкета была длинная, подробно перечисляющая все: пол, и возраст, и семейное положение...

Закончив опрос, дежурный приступил к выяснению обстоятельств дела. Галина Алексеевна снова продемонстрировала, как спрятала деньги в рукавичку и как извлекла их оттуда. Снова объяснила дежурному, что у нее нет никаких оснований обманывать государство, что она получает хороший оклад, что она правдивый человек и ее честному слову можно верить. Контролеры перебивали ее рассказ оскорбительными репликами. Она не выдержала и расплакалась. Дежурный вздохнул и сказал:

— Ввиду вашего чистосердечного признания можете идти.

— Какого признания? Мне не в чем признаваться. Я просто объяснила вам, как было дело. Эти женщины грубо обошлись со мной, я бы пожаловалась на них, но не знаю их фамилий.

— Ладно, иди, пока протокол не составили! — прервала ее контролер. — Жаловаться еще... Скажи спасибо, что штраф не взяли. Иди, иди!

Дежурный молча указал ей на дверь.

Козлова вышла и тем же переулком снова зашагала на проспект Мира. Ветки на деревьях обвисли. Снег был грязный. Тусклые фонари отбрасывали неясный свет. В горле стоял ком, и она едва сдерживалась, чтобы снова не расплакаться.

Весь воскресный день Галина Алексеевна провела дома. Ей не хотелось ни кататься на лыжах, ни идти в театр. Ей казалось, что она все еще слышит пронзительный голос:

«Все честных слов надают, а государству убыток!», «Иди, иди, пока не оштрафовали!»

И это было невероятно оскорбительно и больно.

Мы предвидим, что некоторые читатели скажут:

— Что случилось? Ведь штрафа с нее не взяли. Подумаешь, нежная какая! Уж и в милицию нельзя ее сводить! Если бы ее заборными словами обругали, или ударили, или в лицо, например, плюнули, так на это есть статья в уголовном кодексе — «оскорбление личности». А то ведь ничего особенного не было.

Было особенное. В лицо, конечно, никто не плевал. Но человека оскорбили. Унизили достоинство женщины. А это, быть может, гораздо больнее. И сделали это тоже женщины: контролеры Блохина и Журавлева. Конечно, копейка — это ценность, и ее нужно беречь. Но разве честное слово человека ничего не стоит? Разве человеческое достоинство не нужно беречь?

Очень нужно!

Потому что человеческое достоинство бесценно.

И в сравнении с ним казенной «бдительности» грош цена.

Бор. ЮДИН

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

— Скажите откровенно, доктор: доживу я до конца анкеты?

Рисунок Бориса ЛЕО

Эмрис ХЬЮЗ,
член английского парламента

Рисунок Ю. ГАНФА

БЕЗ ШАМПАНСКОГО

Крах переговоров об «Общем рынке» так рассердил многих консерваторов — членов парламента, что один из них, чтобы продемонстрировать свое возмущение президентом де Голлем, решил даже отказаться от французского шампанского. Этот мстительный джентльмен сам поведал мне о своих планах.

Я могу лишь догадываться о том, что собирается пить вместо шампанского мой друг-консерватор. Он попал в затруднительное положение. Он может сделать выбор между водкой и кока-колой. Но поскольку водка — это национальный напиток коммунистической России, он не может по идеологическим причинам перейти на «Столичную», а его восхищение Соединенными Штатами не распространяется, однако, на кока-колу.

Возможно, что ему придется перейти на пиво или шотландское виски и отказаться от любых спиртных напитков, производимых в иностранном государстве. Он может повторять припев песенки, которую распевали в Англии во время наполеоновских войн: «От говядины и пива пользы больше, чем от вина и жареных лягушек».

Когда я начал расспрашивать моего друга-консерватора, чем его так прогневали французы, он объяснил, что вложил немало денег в акции химических компаний и уповал на повышение их курса, если Англия вступит в «Общий рынок».

— Успокойтесь, — сказал я, — есть и другие страны, которые хотят покупать химикалии. Возможно, что в конце концов вы ничего не потеряете.

— Речь идет не только о моих химических акциях. Сейчас все американские планы создания объединенной Европы рухнули. Я начинаю задумываться о том, что теперь произойдет с моими акциями военных предприятий.

— Неужели вы не знаете, что английское правительство собирается выстроить полдюжины подводных лодок с «Поларисами» стоимостью в сорок пять миллионов фунтов стерлингов каждая?

— Ха, правительство! — усмехнулся мой собеседник. — Правительство Макмиллана может пасть в любой момент. А что произойдет с моими акциями после следующих всеобщих выборов?

Я не пытался ответить на этот вопрос, но постарался изобразить полное сочувствие.

— Почему бы вам не эмигрировать?

— Куда?

— Ну, например, в США, где вы могли бы открыть фирму.

— Сомнительно, сомнительно... Там дела, очевидно, обстоят неважно, если пять миллионов человек не имеют работы.

Я решил, что настало время переменить тему разговора.

— Куда вы отправитесь на праздники?

— На юг Франции.

— Но ведь вы непоследовательны, — отважился я заметить. — Если вы собираетесь назло де Голлю бросить пить французское шампанское, вам не следует ехать на Французскую Ривьеру. Вы лишь поможете французам, истратив деньги во Франции.

— А ведь я и забыл об этом, — сказал он задумчиво.

Да, президент де Голль, несомненно, расстроил все планы. Английские консерваторы сердиты на него, а американцы в ярости. Но что же могут они поделать?

Я сомневаюсь, чтобы угроза английских консерваторов пойти на высшую жертву и отказаться от французского шампанского заставила президента де Голля отказаться от своего решения.

Лондон. По телеграфу.

НАД КРЫШАМИ ПАРИЖА

Паразит Геральд

Крокодил решил помочь миллионерам. Они, бедняги, давно уже собирались основать свою собственную газету для обмена опытом по интересующим их вопросам, да все как-то не могли подобрать названия, найти редактора и т. д. Крокодил взял все заботы на себя.

Перед вами газета миллионеров — «Паразит геральд». Из нее мы не узнаем о том, например, что тридцать два миллиона американцев, по признанию самого президента Кеннеди, живут на грани нищеты. Напрасно было бы также искать на страницах «Паразит геральд» сообщения о том, что число английских безработных достигло миллиона. Но, может быть, орган денежных мешков хотя бы одной строкой обмолвился о том, что половина детей Рима страдает от истощения на почве недоедания! Нет, не обмолвился.

Газета «Паразит геральд» посвящена проблеме, которая сильнее прочих волнует миллионерскую общественность, а именно как убить свободное время.

Золотой жир — конечный продукт перегонки пота и крови трудящихся — давит на кору головного мозга миллионера, обрекая несчастного на мучительные раздумья, чем бы это еще распотешить вконец пресыщенную душу. И придумывают. Больше того: пытаются привить свои вкусы и забавы, разумеется, в более дешевом варианте, всему обществу.

Нужно признать, что «Паразит геральд» не блещет оперативностью. Все факты, о которых сообщает газета, уже были ранее освещены западными буржуазными изданиями. Откуда они и заимствованы Крокодилом.

ГОСТИ ПОД ВОДОЙ

Чикагский миллионер принимает гостей в акваланге

ЧИКАГО. Фантазия мистера Хью Хеффнера поистине неистощима. Сколько лет он радует американских мужчин журналом «Плэйбой», издателем которого он является! Древнюю проблему секса журнал трактует свежо и оригинально.

В последнее время Хью Хеффнер открыл в ряде городов США ночные клубы «Плэйбой» с официантками, одетыми в более чем легкие костюмы.

И в частной жизни мистер Хеффнер отличается богатством фантазии. В последнее время он привлек внимание своими оригинальными вечеринками для гостей. Он принимает друзей в огромном искусственном гроте, заполненном водой. Всем гостям предоставляются купальные костюмы, маски, ласты и акваланги.

Пр[illegible]ующие лишены возможности беседовать друг с другом, но это никого особенно не огорчает.

ТРИСТА ПОПУГАЕВ И ОДНА МИЛЛИОНЕРША

Южноамериканская миллионерша сеньора Фернанда Пиньятари устроила в своей вилле на острове Майорка небольшую интимную вечеринку для друзей. Территория парка была выстлана коврами, чтобы дамы не соприкасались с вульгарной травой. На деревьях было развешано триста клеток, освещенных неоновыми лампами. В клетках верещали райские птички, попугаи и прочая пернатая живность. Но самым затейливым оперением блистала хозяйка: личный парикмахер менял ей прическу каждые пятьдесят минут...

Предполагают, что на следующей интимной вечеринке сеньора Фернанда Пиньятари будет лично щебетать в золотой клетке на верхушке баобаба. Парикмахеру придется работать, свисая вниз головой с веревочной лестницы вертолета.

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА ГЭВИНА АСТОРА

Жилищная проблема тяжко давит на плечи мистера Гэвина Астора, сына лорда Астора. Мало того, что он владеет домом в аристократической части Лондона, в Карлтон-хауз-Терас, именем в графстве Сассэкс и еще одним в Эбердиншайре,— неугомонный отец подбросил ему огромный наследственный замок тринадцатого века. Возникает вопрос: кто дал право родственникам столь жестоко измываться над простым английским миллионером?

МИЛЛИАРДЕР ИЗГОНЯЕТ ДУХОВ

ЛОНДОН. Семидесятилетний американский нефтяной магнат Поль Гетти, часто живущий в одном из своих замков в Англии, Саттон Плейс, пригласил для консультаций двух известных специалистов по изгнанию привидений из старинных замков.

Миллиардер утверждает, что его дворецкие оказались неспособными сами справиться с духами. Любопытно, что духи избегают встреч с хозяином, а появляются лишь в присутствии обслуживающего персонала и гостей.

За-За Габор и мистер Магу

БЭЛЬ-ЭР (КАЛИФОРНИЯ). Известная киноактриса За-За Габор знаменита не только своей золотой тиарой, которую она носит по утрам, пурпурным париком и искусственными ресницами из меха шиншиллы. **Все, кто знаком с голливудской звездой, не могут не поразиться ее любви к животным.**

Мистер Магу, любимый йоркширский терьер актрисы, носит ошейники только с драгоценными камнями. Заветное дерево в саду, у которого мистер Магу имеет привычку поднимать ножку, находится под особым наблюдением садовника. Кроме того, от дома к дереву ведет специальный крытый бетонированный ход на случай дождя.

КРУГОВОЙ СОН

Газета «Дейли экспресс» сообщает, что проблема ночного отдыха вызывает в последнее время настоящую бессонницу у наиболее видных аристократок Англии. Пребывание в обычной постели отныне [illegible] вульгарным и может привести к непоправимой потере репутации светской дамы.

Финансовый обзор

РОСТ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

Нью-Йорк. Финансовые и экономические эксперты отмечают бурный рост деловой активности.

Газета «Нью-Йорк таймс» подсчитала, что **оборот американских знахарей и гадалок за последний год составил более одного миллиарда долларов.** Причем сл[illegible] за[illegible]ить, что цены остаются стабильными. Так, один галлон морской воды, выдаваемой знахарями за панацею от всех болезней, стоил столько же, сколько и в прошлом году,— двадцать долларов.

Отмечается также рост деловой активности и в подделке чеков. За 1962 год в США **подделано чеков и ценных бумаг на сумму свыше миллиарда долларов.**

Таким образом, следует считать, что финансовые перспективы самые благоприятные.

пальные костюмы, маски, пасты и ... ланги.

Пр... присутствующие лишены возможности беседовать друг с другом, но это никого особенно не огорчает.

...хами. Любопытно, что духи являются встреч с хозяином, а появляются лишь в присутствии обслуживающего персонала и гостей.

Газета «Дейли экспресс» сообщает, что проблема ночного отдыха вызывает в последнее время настоящую

...стели отныне... *вульгарным и может привести к непоправимой потере репутации светской дамы.*

Госпожа Пенелопа Китсон погружается в сон лишь в том случае, если у ее изголовья висит большой золотой орел. Миссис Барбара Картленд приобрела ложе с золотыми инкрустациями. Цена подобных кроватей составляет примерно две тысячи фунтов стерлингов и вполне доступна рядовому миллионеру.

Однако *наибольшим* успехом пользуется последняя новинка — импортированная из Америки кровать круглой формы. По уверению американских психиатров, такая форма способствует наиболее полному отдыху нервной системы.

...одного миллиарда долларов. Причем сл... заметить, что цены остаются стабильными. Так, один галлон морской воды, выдаваемой знахарями за пана...

...на сумму свыше миллиарда долларов.

Таким образом, *следует* считать, что финансовые перспективы самые благоприятные.

НОВОЕ В ТАНЦАХ

В отличие от американской сталелитейной промышленности американские танцы не ведают застоя. Специалисты-хореографы, проведя несколько дней в обезьяньих вольерах нью-йоркского зоосада, предложили несколько *новых*, удивительно изящных танцев. Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» опубликовал серию рисунков, отразивших основные па самых модных нью-йоркских танцев. Их происхождение тесно связано с происхождением человека.

1. Твист как таковой.
2. Холли-голли — твист с максимальным вихлянием голеностопного сустава.
3. Пюре — на одну четверть чарльстон, на три четверти — твист.
4. Пуни — от холли-голли отличается тем, что участники стукаются коленями и лбами.
5. Локомошн — непрерывное *дрыгание*. Как дрыгаться, безразлично.
6. Уоббл, или «качание с вихлянием», — ныне главный конкурент твисту. Можно чесать ухо ногой.

Новые танцы вызвали большой интерес в научных кругах. По мнению ученых, эти танцы — новое веское доказательство правоты учения Чарлза Дарвина.

ХОДОВЫЕ ТОВАРЫ

Лос-Анжелос. Мистер Леонард Кардсон из Лос-Анжелоса, глава торгового предприятия «Сансет Хаус дистрибьютинг корпорейшн», сообщил, что доходы его посылочной фирмы за прошлый год превысили три с половиной миллиона долларов. Наиболее ходовым товаром, который мистер Карлсон посылал заказчикам по почте, были картины. Автор их — необычайно одаренная обезьяна шимпанзе по кличке Пауль.

Второй по популярности товар, на рассылке которого мистер Карлсон успешно увеличил торговый оборот фирмы,— это «успокаивающие камни». Внешне камни весьма напоминают *простую пляжную гальку*. Однако, по разъяснению рекламы, «если вы подержите камень в ладони несколько минут, вы почувствуете, как рассеиваются и *исчезают все ваши* заботы и тревоги».

Мочалка в абстракции

В Нью-Йорке, в галерее Сидни Джейнис, открылась выставка, потрясшая зрителей новизной и смелостью художественных решений. В беседе с нашим корреспондентом участники выставки заявили: «Мы берем обыкновенные предметы, окружающие нас, и, соединяя и сочетая их, подчиняем своим художественным концепциям. Это глубокий комментарий, характеризующий современную жизнь и нашу цивилизацию».

Внешне «глубокие комментарии» выглядят так: небольшой холодильник, дверца которого непрерывно открывается и закрывается под вой пожарной сирены (этим шедевром приятно украсить, например, детскую комнату); монтаж из мочалок, предварительно вымоченных в синей краске; сложное нагромождение, в котором смонтированы вместе, склеены и прибиты гвоздями к кухонному столу отдельные части радиоприемников, штепсели и выключатели и различные другие предметы, «аранжированные,— как *говорится в каталоге,— для эстетического воздействия* на зрителя».

Участники выставки называют себя наследниками «экспрессионистического абстракционизма». Очень может быть...

техасские АНЕКДОТЫ

Богатого техасца вызвали в школу, чтобы пожаловаться на *плохое поведение его сына*. Техасец вошел в кабинет директора и сказал: «Не могу понять, почему учителя не могут ладить с моим Билли? Мои *слуги отлично с ним ладят*».

Однажды техасскому нефтепромышленнику стало плохо. Он схватился за сердце и закричал жене: «У меня, кажется, инфаркт. Ну не стой же без дела! Поди и купи мне госпиталь!»

Один техасский нефтепромышленник, желая доставить удовольствие своему ребенку, купил ему собаку. Узнав об этом, другой техасский нефтяной магнат решил не отставать. Поскольку он был бездетен, то купил ребенка для своей собаки.

Нефтепромышленник из Техаса путешествовал по Франции. Ему понравились знаменитые версальские фонтаны. Он заявил, что хочет купить их.

— Извините, сэр,— сказал француз-переводчик, — фонтаны, конечно, украсили бы лужайку перед вашим домом в Далласе, но, увы, они не продаются.

— А я и не думал устанавливать фонтаны перед домом. Я хотел приспособить их вместо ванны, чтобы мои дети мыли в них ноги, перед тем как идти в плавательный бассейн.

Примечание. Достойно внимания, что так называемые техасские анекдоты считаются анекдотами только за пределами штата Техас. В самом Техасе они называются просто «случаями из жизни».

ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА МАДДЖИ

Путь в большую науку, как *известно, усеян отнюдь не лаврами и хризантемами*. Сколько мук пришлось претерпеть доктору Рафаэлло Мадджи, профессору Болонского университета, *прежде чем он завершил* свой труд! Исследования синьора Рафаэлло посвящены не баллистическим траекториям космических кораблей и не взращиванию человеческих эмбрионов в прозаическом водочном стакане. Нет.

Результатом изысканий профессора Мадджи стал обширный трактат, где *скрупулезно*, с огромной добросовестностью прослежен рост взрослой американской кинозвезды с 1936 года по наши дни. Синьор Мадджи *неопровержимо* установил, что средний рост ординарного Тарзана или, скажем, Джека Потрошителя составляет 1 метр 83,11 сантиметра! Вот женщины, те будут пониже — 1 метр 64,26 сантиметра.

Синьор Мадджи первым в мире установил, что американские актрисы за последние двадцать семь лет похудели в среднем на 34 грамма.

К сожалению, профессор в своем объемистом труде умолчал о творческих достижениях и таланте актеров американского кино. Вероятно, профессор считает, что величина бюста достаточно красноречиво говорит о мощи таланта.

Бахтияр ВАГАБЗАДЕ

Начальник и Стол

На что-то осерчав,
один большой Начальник
в запале трахнул
кулаком о Стол...
Средь мебели
известный как молчальник
Стол крякнул и сказал:
— А ты, однако, зол!
Умерь свой гнев
и знай, дружок, отныне:
ты, слабый человек,
смешон в своей гордыне!
Услышав эту речь,
Начальник был задет.
— Со мной ли говоришь?
Меня ль назвал ты слабым —
руководителя
с таким масштабом,
пред кем дрожат,
шагнувши в кабинет?
Один мой взгляд,
одна моя печать
способны
прекратить работу
иль начать!
Здесь каждый мой приказ
становится законом!
Все мне подчинены!
Что сказано — конец!..
Как ты осмелился,
дубовый ты наглец,
со мною говорить
подобным тоном?!
— С тобой согласен я,
но только не вполне,—
ответил Стол.
— Действительно,
к несчастью,
ты наделен
весьма большою властью,
но этой властью
ты обязан мне!
А без меня
в тебе какая сила:
умом тебя природа
обделила.
Ты без меня —
ничтожный воробей.
И кулаком по мне,
пожалуйста,
не бей!

Перевел с азербайджанского Вл. ЛИФШИЦ.

— С праздником вас, дорогие женщины!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Бессонница

— Ваша фамилия?
— Цыбулевский.
— Имя?
— Павел.... Павел Цыбулевский.
— Профессия?
— Служащий.
— Адрес?
— Новозамецкая, 17.
— На что жалуетесь? — спросил врач, записав ответы пациента.
— Вот уже более месяца страдаю бессонницей, доктор!
— Бессонницей? А как с аппетитом? Покажите, пожалуйста, язык...
Язык был в порядке — красный, как кусок филейной вырезки.
— Головными болями страдаете?
— Нет.
— Вообще вы когда-нибудь болели?
— Никогда.
— В котором часу ложитесь спать?
— Как правило, в десятом часу, доктор.
— Итак, значит, ложитесь спать и не можете уснуть? Вертитесь с боку на бок?
— Почему это верчусь? Сплю с десяти вечера до шести утра. В шесть встаю, одеваюсь, завтракаю, подбрасываю кроликам свежей травки, целую деточек и еду на работу...
— Так вы спите 8 часов! — воскликнул врач с удивлением.— Чего же вы еще хотите?
— Видите ли, доктор, дело в том, что в последнее время я никак не могу уснуть на работе...

Ян ХУЩА (Польша)

БРАК МОЙ—

Брак — штука тонкая. Попробуйте без сноровки сделать нож, который бы ничего не резал! Тут, дорогие сограждане, требуются опыт и артистизм.

Работает бракодел ритмично. Продукция так *и горит в его натруженных руках*. Это раньше бракодела изображали в виде сонного гиппопотама.

Нынешний не таков. Он просится на бодрое, жизнеутверждающее полотно. И больше всего в данном случае подходит групповой портрет. Ну как, в самом деле, иначе изобразить «умельцев» с московского завода «Красный штамповщик»?

Тут нужно нечто монументальное, величественное, вроде «Заседания государственного совета» или «Гибели Помпеи». На заднем, стало быть, плане ликующий заводской *бракодел № 1 с вилкой и плевательницей* в руках. Бракоделы рангом пониже теснятся на подходе. Они с завистью глядят на коллегу, дающего только стопроцентный брак.

В особой рамке можно привесить к картине приказ № 113 Московского областного управления государственной инспекции по качеству товаров и торговли. Этот документ запрещает торгующим организациям принимать продукцию «Красного штамповщика».

Именно здесь, в недрах этого уникального завода, *родилась неколющая вилка,*

— Ищи!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ВРАГ МОЙ

черенок которой неминуемо режет ладонь потребителя.

«Штамповщик» вырабатывает также прочую утварь — бак для воды и плевательницы. Рабочие завода чутко подошли к бесценным сосудам, обеспечивающим важнейшие нужды человека. Все эти изделия — чистой воды стопроцентный брак.

Не худо выставить для всеобщего обозрения и группу ветеранов московского предприятия «Газоаппарат». Она успешно состязается с «Красным штамповщиком». Соревнование проходит с огоньком, в обстановке большого творческого накала. На газовых плитах, выпускаемых удивительным предприятием, можно делать все: танцевать канкан, колоть грецкие орехи или играть в преферанс. Употреблять их в качестве металлолома тоже можно. И даже нужно, так как для прямой своей функции — возжигания синего пламени — они все равно не годятся.

Вместо них синим пламенем «горит» сам завод, поскольку Министерство торговли РСФСР приказало своим верноподданным товаропроводящим точкам «прекратить приемку газовых плит».

К сожалению, Министерство торговли не успело наложить эмбарго на продукцию Нахабинской мебельной фабрики. В результате чего фабрика получила следующее письмо от Леонида Дмитриевича Барулина, проживающего в городе Орехово-Зуеве:

«Я купил гардероб за 130 рублей. Копил деньги, отказывал себе в небольших расходах. А ваша фабрика меня в данный момент обанкротила. Что получилось?

Я привез гардероб домой. Стали открывать — не открываются дверцы. Жена и теща взяли меня в оборот. Я начал их успокаивать, говорить, что советские рабочие не могут этого допустить, чтобы гардероб не открывался. Говорю, повремените, может быть, это он с улицы, пока холодный. Ночь простоял — открылся. А закрыть — опять не закроешь!

Прошу вас, помогите мне. Это я обращаюсь не к руководству, а к рабочему человеку Нахабинской фабрики. Дорожите вашей маркой!»

Ну, а что же бракоделы с Нахабинской фабрики? Они стараются, работают буквально в поте лица своего.

Перед нами отделочник Сергей Николаевич Орлов. Он охотно делится опытом.

— Видите этот шуруп? — говорит Сергей Николаевич.— Если его отверткой,— это сколько времени уйдет! А я вбиваю молотком. Только нужно сильней вдарить. Я борец за темпы!

— А вот я,— радостно улыбаясь, перебивает коллегу Виктор Александрович Щеглов,— беру стружку сразу в три миллиметра. Так оно способней, быстрей. Вообще-то по технологии полагается один миллиметр с половиной. Так ведь это какая потеря темпа. А темп — это главное! Я тоже борец!

Своими соображениями по ухудшению качества любезно делится и Дмитрий Алексеевич Балкин. Это пожилой мужчина.

— Трудно, конечно,— с горечью восклицает Дмитрий Алексеевич,— угнаться за молодыми! И возраст не тот и здоровьишко. Но и я стараюсь. В молодые-то годы я не менее 50—70 процентов брака давал! А сейчас плох стал, тяжельше поспевать. Но и я свой секрет знаю. Там, где молодой-зеленый просто фуганет рубанком, я шлифовку средней двери веду поперек волокон. Вот и брачок!

Едва мы успели сделать последний эскизный мазок, как нам строго сказали: а где же портреты руководителей фабрики?

Увы, портрет директора товарища В. П. Иванова экспонировать никак невозможно. Мы его в глаза не видали: он учится в вечернем техникуме и на фабрике бывает редко. А за что, собственно, жечь сатирическим глаголом главного инженера Ивана Евтифиевича Емелина? Ведь он выступает, как господь бог, в трех ипостасях: в качестве директора, заместителя и самого себя. Единственное, что он может сделать,— это, улучив минутку, прибежать в цех и кинуться перед первым попавшимся бракоделом на колени.

— Голубчик! Умоляю, не делай брака!

— Не могу,— истово отвечает «голубчик».—Стезя у меня такая...

Да, стезя у него действительно такая. Денежная. Он идет по ней уверенно и быстро.

У нас много и со смаком ругают за брак директоров и инженеров. Правильно, конечно, ругают. Но при этом забывают о прямых творцах брака.

А бракодел — человек бесстрашный и лихой. Он ничего не боится. Его за брак не судят. Ему за брак платят.

Эх, нагнать бы на него страху, повесить бы в каждом цехе сатирическую портретную галерею и назвать ее так: «Брак мой — враг мой»! Потому что платить народные деньги врагам производства ниипочем не следует!

Вл. МИТИН

В ГЛУБИНАХ ПОДСОЗНАНИЯ

В штаб отряда добровольной народной дружины при Дворце культуры Горьковского автозавода ввели человека. Так его можно было назвать лишь с большой натяжкой, ибо по отношению к нему это слово не звучало гордо. Движения ног и туловища были у него явно не согласованы.

— Так, так,— сказал, потирая руки, дружинник, дежурный по штабу.— Давайте-ка его сюда. Сейчас мы его обработаем.

Записав по документам основные данные о пьяном, дежурный уселся поудобнее и приступил к опросу:

— Где и как вы провели сегодняшний вечер, задержанный?

Верзила икнул и многозначительно промолчал.

— Понятно,— сказал дежурный.— Тогда, может, скажете, участвуете ли вы в художественной самодеятельности?

Пьяный с подозрением взглянул на дружинника и отрицательно мотнул головой.

— А в какой библиотеке записаны? Какой театр вам больше нравится? Что видели в театре в последний раз?

— «Красную Шапочку»,— ответил верзила и всхлипнул.— Когда был маленьким.

— Да, давненько,— вздохнул дежурный.— А занимаетесь ли вы общественной работой? Если нет, то почему?

Задержанный потупился и застенчиво произнес:

— Не вовлек..ик....ли...

— Ну ничего, не расстраивайтесь,— сказал дежурный.— Расскажите лучше, участвуете ли вы в движении за коммунистический труд?

Верзила изумленно вытаращил глаза, потом щелкнул себя пальцем по шее и заговорщически спросил:

— Ты что, тоже того?..

— Мы еще вернемся к этому вопросу,— находчиво сказал дружинник.— Идем дальше. Какое ваше самое любимое занятие после работы?

Пьяный ухмыльнулся и лукаво подмигнул дежурному.

— Вы, задержанный, эти штучки бросьте! — сказал тот строго.— Отвечайте по существу. Что предпочитаете делать вечером: вырезать по дереву или лепить из пластилина?

— Чего-о-о? — угрожающе сказал верзила.— Ты мне тут дела не лепи. А то к-а-ак дам!..

Истины ради нужно сказать, что эмоции пьяного были направлены не по адресу. Вопросы, которые его рассердили, придумал не дружинник, а редакция горьковской газеты «Ленинская смена». Это здешние психологи-любители, обуреваемые неуемным желанием проникнуть в глубины пьяного подсознания, сочинили и «спустили» дружинникам анкету.

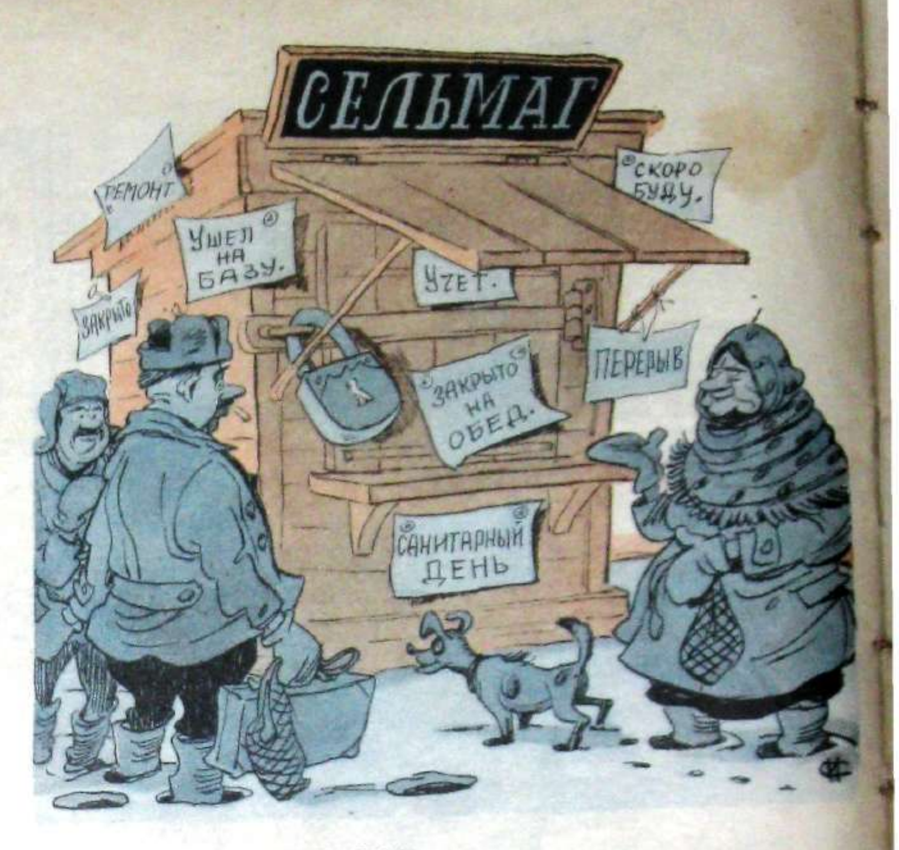
Этот потрясающей силы документ, отпечатанный в типографии тысячным тиражом, видимо, по замыслу его авторов, способен нанести непоправимый урон нестройным рядам пьяниц, хулиганов и прочих тунеядцев. И уж прямо наизнанку должен вывернуть все заблудшие души «гвоздь» анкеты — пункт II, который мы просто обязаны привести полностью:

«Что больше предпочитаете (после работы) — театр, концерты, кино, ресторан, вечеринки у друзей, гулянье по улицам и паркам, выпиливание, вышивание, игра в карты (подчеркнуть)».

Нам заочно трудно установить результаты этого уникального референдума. Возможно, что первое место среди охваченных анкетой мелких хулиганов заняли страстные любители выпиливания. А может быть, наоборот: вперед вырвался мощный отряд рукодельщиков.

Как бы то ни было, но незаурядная инициатива «Ленинской смены», несомненно, заслуживает популярности. Вот почему мы и решили рассказать о ней читателям.

Я. ДЫМСКОЙ

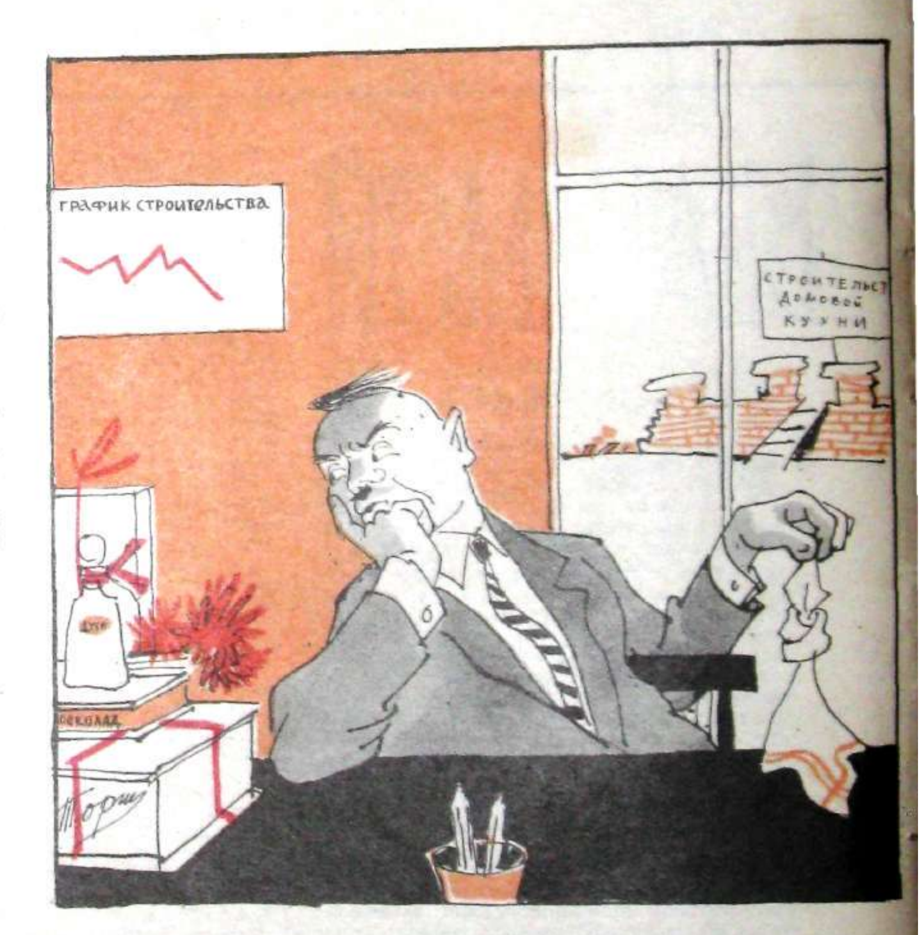
МАГАЗИН БЕЗ ПРОДАВЦА

Рисунок И. СЫЧЕВА

ВОКРУГ МИМОЗЫ

Март смотрит в купол голубой.
Отхлынули морозы...
Повсюду солнечной крупой
в руках мужчин мимозы.
Порой достать их тяжело,
цветы берутся с бою,
когда приблизится число
заветное —
восьмое.
...Осталась веточка одна
(нет нового привоза),
не очень пышная она,
но все-таки мимоза.
К ней тянется десяток рук.
И каждый молит слезно.
Идет дискуссия вокруг,
кому нужней мимоза.
— Прошу вас,
уступите мне.
Я был в командировке,
вот прямо с поезда —
к жене...
В ответ:
— Какой вы ловкий!
Меня невеста ждет в такси,
на свадьбу едем с нею...
На это кто-то пробасил:
— Мимоза мне нужнее.
Поймите,
милый человек,
как с верною подругой,
живу почти уж целый век
я со своей старухой...
Вконец растерян продавец:
для спора
важный повод.
Понятен пыл мужских сердец,
у каждого свой довод.
И все влюбленные правы,
и не решить вопроса...
А не подскажете ли вы:
кому нужней мимоза?

Л. КУКСО

— Что я еще забыл сделать ко дню 8 Марта?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

НА ЛЮБИТЕЛЯ

Говорят, есть любители сильных ощущений. Очень им нравятся всякие неожиданности.

Если, дорогой Крокодил, тебе встретятся такие чудаки, направляй их прямиком к нам, на станцию Угольная Дальневосточной железной дороги. Тут их такие ощущения ожидают — закачаешься!

Если *наша баня* будет открыта (что случается нечасто), мы тут же и препроводим любителей сильных ощущений попариться. А все остальное обеспечит банный директор тов. Памазан.

Вот вы подходите с шайкой к крану, чтобы набрать кипятку. Кипяток течет, свет горит, все в порядке. И вдруг—хлоп!—свет погас, вода хлещет ледяная, а вас в этот миг — бац! — ударяет током. Это от крана. Он у них как-то там хитроумно подключен к электропроводке.

Конечно, в кромешной тьме возникают крики и разногласия. Кто-то сел по ошибке в чью-то шайку. Кто-то кому-то сослепу намылил шею. Кто-то кого-то невзначай шарахнул веником. И так далее.

Наверно, для любителей острых ощущений лучше ничего не придумаешь. Так что милости просим!

А нам-то эти банные аттракционы давно уже порядком надоели.

С. ГЕРАСИМОВ

ст. Угольная.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

10 октября 1962 года — самый черный день в моей жизни. В этот день я обзавелся телевизором «Рекорд», выпущенным Александровским радиозаводом.

Ни в этот, ни в последующие дни телевизор не работал. Я вызвал мастера из нашего кинешемского ателье.

— Надо сменить антенну,— сказал мастер.

Сменили. Телевизор не дрогнул.

— Поставьте другой кинескоп,— снова посоветовал мастер.

Поставили. Телевизор по-прежнему упорствовал.

Убедившись, что изображение скорее появится в печной духовке, чем на экране этого чудовища, я снова обратился в ателье.

— Одна из ламп не годится! — изрек мастер.

Это был пустяк. Я уж думал, что победа недалеко. Поставили новую лампу. Включили. И...

Правда, на экране ровным счетом ничего не изменилось. Зато внутри зловещей машины вспыхнуло самое настоящее пламя. Пожар!

Огонь бушевал. Он грозил перекинуться на деревянную стенку. И тут я отважно схватил горящий телевизор, поставил его на пол, сорвал заднюю стенку и плеснул в утробу моего мучителя ведро воды.

В ателье, куда я снова прибыл с телевизором в обнимку, мне любезно сообщили, что пожар произошел из-за короткого замыкания, а оно, в свою очередь, явилось следствием слабой изоляции проводов и плохой сборки узлов. Отправить телевизор на завод для обмена отказались.

— Обмен возможен только после двукратного ремонта,—пояснили мне.—Вот ежели он снова загорится, тогда другое дело... Только вы в следующий раз водой не тушите, а накройте одеялом и ждите, пока огонь сам не погаснет.

Вот я и жду, пока эта скотина снова загорится.

А пока что хочу дать совет тем, кому взбредет в голову приобрести, подобно мне, надомное стихийное бедствие:

— Товарищи! Покупая александровский «Рекорд», заодно приобретите и огнетушитель. Оно спокойнее...

А. ГОРСКИЙ

г. Кинешма.

Памяти друга

Тяжкая утрата постигла советскую сатиру. Ушел из жизни Эмиль Яковлевич Кроткий...

Свыше пятидесяти лет проработал в литературе этот превосходный мастер. В 1911 году появились в одесской периодической печати его первые произведения. Замеченный и обласканный великим собирателем прогрессивных сил русской литературы Алексеем Максимовичем Горьким, Эмиль Кроткий (Эммануил Герман) стал сотрудником горьковского журнала «Летопись». *Одновременно* его сатирические стихи стали появляться в «Сатириконе».

Восторженно встретил Эмиль Яковлевич Октябрьскую социалистическую революцию. Ее пафос, ее великую созидательную силу воспел он в книгах лирических стихов: «Растопленный полюс», «Скифский берег», «Стихи о Москве» — и в поэме «Разговор с Вильсоном».

Но самую широкую популярность приобрела его работа в области сатиры и юмора. Почти вся она связана с журналом «Крокодил». Три десятилетия сотрудничал Эмиль Кроткий в «Крокодиле», и поистине нет счета сатирическим и юмористическим стихам, миниатюрам, эпиграммам, прозаическим заметкам и афоризмам поэта, напечатанным в журнале.

Тонкий и острый ум, широкий охват тем, точный удар, владение всеми видами и оттенками искусства смеха, мастерство формы отличают произведения Эмиля Кроткого. Многие из них («Манон Леско», «Монтигомо—лакированный коготь», «Случай с начинающим», «Наш спутник») представляют собой удивительное сочетание нежного лиризма с гневным пафосом обличения. Нежный лиризм писателя обращен к советскому человеку, творцу и наследнику всего прекрасного в мире; пафос обличения—ко всему отсталому, гнилому, вредному, что еще сохранилось в нашей жизни от прошлого.

Эмиль Кроткий часто выступал перед читателями. Широкий отклик получали в многочисленных аудиториях его стихотворные миниатюры, басни и эпиграммы — веселые, яркие, запоминающиеся, поучительные. Особый успех всегда выпадал на долю его «Отрывков из ненаписанного» — прозаических афоризмов и сентенций. В этом труднейшем жанре Эмиль Кроткий был необычайно силен, по праву заслужив звание наилучшего в нашей литературе продолжателя Козьмы Пруткова. «Отрывки из ненаписанного» являются подлинной академией остроумия.

Многие сатирические и юмористические произведения поэта включены в изданные библиотекой «Крокодила» книги «Портрет и зеркало» и «Сатирик в космосе». Но творческое наследие Кроткого намного богаче, и оно должно стать достоянием читателей. Сегодня мы публикуем стихотворения, которые Эмиль Кроткий написал незадолго до смерти.

Советская сатира потеряла одного из самых ярких своих мастеров, а советские сатирики и все литераторы — замечательного товарища, чистой и яркой души человека, великолепного собеседника, остроумца, дорогого друга и советчика.

Творчество Эмиля Яковлевича Кроткого входит в золотой фонд советской сатирической литературы. К нему, Эмилю Кроткому, целиком относится один из созданных им афоризмов, который с любовью и уважением произносим и мы, работники литературы, и советские читатели:

— Золотых слов мастер...

НАЧЕТЧИКУ

В самодовольстве, как в мундире,
Литературный бюрократ,
Ты много лет грозил сатире
Чужою мудростью цитат.
Враждебен шутки фейерверку,
Бывало, цедишь свысока:
«А Маркс (пятнадцатая сверху
Иль снизу пятая строка)...»
Ты тратил блеск чужих жемчужин!
Но не расходуй зря чернил:
Великий Маркс был с Гейне дружен,
Его иронию ценил.
И, с ироническим поэтом
Полемизировать любя,
Не «уличал» его при этом
И... не цитировал себя!

АЗБУКА

Мало **гласных** в азбуке.
С ними неразлучные,
К гласным льнут **согласные**,
Тихие, беззвучные,
С гласными якшаются,
С каждой соглашаются.
А со всем согласные —
Самые опасные!

АВТОРИТЕТ

Человек весьма заметный,
Человек авторитетный,
Он в теченье долгих лет
Подводил под глупость базу —
Он не зря, не вдруг, не сразу
Приобрел авторитет.

Сорок лет без передышки
Он писал плохие книжки
(Срок, ей-богу же, не мал),—
Числясь в «знающих» де-юре,
Сорок лет в литературе
Ничего не понимал.

И теперь мы твердо знаем:
Он мастит и уважаем.
Легкой лысины просвет,
Замененный полнолуньем,
Стал, как нимб.

Давайте плюнем

На его авторитет!

НОВЫЙ ЖАНР

Он, хваля начальство высшее,
Сочинил... **четверольстишие.**

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

За окном зима сверкает
Тыщей люстр — и в каждой призме
(Видно, солнце раскололось!)
Ходит радугою луч.
Мрачный лектор утопает
В безысходном «оптимизме»,
Несрывающийся голос
Усыпительно тягуч.

А на улице мальчишки
Веселятся до упада...
Не пугайтеся софизма:
Я, пожалуй, удеру
Для короткой передышки
От «бодрящего» доклада —
Отдохнуть от «оптимизма»,
Освежиться на ветру.

В ОДНОМ СОВНАРХОЗЕ

— Переходим к восемьдесят девятому вопросу повестки дня: о форточке. Как решим?
— Открыть!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Ф. ВИБЕ

ПО ТУ СТОРОНУ СТОЛА

Целый час мы ждали, когда председатель завкома соизволит нас принять. Миша Якушев сказал:

— Я бы на таких бюрократов капканы ставил, отлавливал бы их группами и в одиночку и выделывал из них модные манто.

— Круглогодовой отстрел без всяких ограничений,— согласился я.

Хороший парень Миша Якушев. Вчера мы с ним брали отгул и прекрасно половили окуней на Черноисточинском озере.

— Какое дело этой ондатре,— продолжал Миша,— до того, что ты потерял целый час из-за какого-то килограмма краски для катера нашей лодочной станции! Помяни мое слово, он еще к формулировкам твоего заявления начнет придираться, прищурит глаза, станет жаловаться на занятость, на головную боль...

— Послушайте, девушка,— сказал Миша, обращаясь к секретарше,— когда прекратится это издевательство? Меня ждет любимый станок.

— Приема, наверное, не будет,— ответила она.— Где вам, рыболовам, знать, что вчера на конференции выбрали нового председателя завкома!

— Кого выбрали? — мрачно спросил Мишка.

— Якушева Михаила Михайловича.

— Кого? — переспросил я, ибо Миша временно не мог поддерживать разговора.

В это время из кабинета вышел бывший председатель Александр Александрович Южаков (в прошлом — Саша из механического) и сказал:

— Михаил Михайлович, прошу вас. Заходите. Принимайте дела. Будьте хозяином.

Оба председателя — экс и настоящий — скрылись в кабинете. Только через час Саша Южаков вышел из кабинета и бодрым шагом направился к выходу. Это его теперь, после годичного перерыва, с нетерпением ждал любимый станок.

— Михаил Михайлович сегодня не будут принимать,— пропела у меня над ухом секретарша.

Несмотря на отчаянное сопротивление секретарши, к Мише я все-таки пробился.

...Моему взору открылся обетованный кабинет. За столом исполинских габаритов сидел некто и смотрел на меня полуприкрытыми глазами.

— Что у вас? — спросил он и устало поморщился.

— Мне бы визу и печать, Михаил Михайлович.

Я протянул заявление через стол. Он взял его и стал читать, глядя как-то сбоку.

— Килограмм краски, говоришь? Для чего?.. А! Для катера. Почему заявление на клочке написал? Это, конечно, форма. Но форма всегда неразрывно связана с содержанием. И потом, разве так пишут: «Прошу выделить для окраски...»? Просьбу надо как-то обосновать: «В соответствии с сигналами рыболовно-спортивной общественности в части покрытия...» И действительно килограмм надо? Может быть, хватит триста граммов? Ты лично проверял?

— Мы вдвоем вчера лично проверяли,— ответил я.— С Мишкой Якушевым.

Председатель завкома закурил и потер рукой лоб, как это делают при начинающейся мигрени. Причем было совершенно ясно, что невосполнимую утрату здоровья он понес в неусыпном бдении об общественных нуждах.

— Хватит триста граммов,— сказал он.— Меня не обманешь! Знаем мы этих рыбаков!

Я встал и молча пошел из кабинета.

— Куда ты, Вася? — услышал я вопрос.

— На охоту,— ответил я.— За ондатрой!..

г. Свердловск.

ПРОИСШЕСТВИЯ

ТРЕВОГА НА СПИРТОЗАВОДЕ

На Тукумском спиртозаводе Латвийской ССР наступило тревожное утро. Между зданиями сновали люди, увешанные огнестрельным оружием. В тупике несколько человек изучали приемы стрельбы по движущейся мишени. Группа слесарей пыталась отремонтировать средневековую мортиру, найденную в окрестностях. Всеми военными приготовлениями руководил директор завода тов. Конапков. Вот он поднялся на крыльцо конторы. В ту же минуту сторож забарабанил черенком лопаты по старому ведру. По этому сигналу все собрались на площади перед конторой.

Директор взял из рук секретарши лист бумаги.

Толпа замерла.

— **Приказ № 146,**— объявил тов. Конапков.— **«В последнее время на заводе развелось бессчетное количество диких голубей, которые, как голодные коршуны, набрасываются на автомашины, прибывающие с зерном, кукурузу и проникают в склады.**

Можем ли мы, коллектив завода, быть простыми наблюдателями, как голуби поедают зерно, не принося никакой пользы людям?»

При этих словах директор суровым взглядом обвел рабочих и служащих, которым оружие придавало вполне разбойничий вид...

— Не можем! — в едином порыве загремела площадь.

Директор удовлетворенно откашлялся и продолжал:

— **«Наш долг заключается в том, чтобы навести решительную борьбу с дикими голубями всеми нашими силами и возможностями. В борьбу за уничтожение голубей на заводе должен включиться каждый член коллектива завода.**

На основании вышеизложенного приказываю:

Провести на заводе решительную борьбу за полное уничтожение диких голубей, для чего обязать зав. складом Грабовского поднимать в воздух голубей и уничтожать их в воздухе, используя для этого охотничьи ружья и мелкокалиберные винтовки».

О мортире директор не сказал ничего. Ее, к сожалению, не удалось отремонтировать.

Через несколько минут от залпов задребезжали стекла. Операция началась...

Хотя редкая пуля летела мимо цели, птиц не становилось меньше. На смену погибшим стаям появлялись новые. Бесстрашие голубей не удивительно. На территории завода в беспорядке рассыпаны горы кукурузы. Если ее убрать в укрытие, отпадет надобность и в противоголубиной обороне.

Н. МОНАХОВ

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

НЕСМЕШНАЯ ИСТОРИЯ

Девочка Клара росла без внимания:
Еще, мол, успеем, пока не горит.
Отец — на работу, мать — на свидание,
А дочка что хочет, то и творит.

И Карл по соседству рос без внимания:
Надобно думать, и тут не горит.
Мать — на работу, отец — на свидание,
А мальчик что хочет, то и творит.

Годы промчались. Ни много, ни мало,
Стукнуло им по четырнадцать лет,
И ...Карл у Клары украл кораллы,
А Клара у Карла украла кларнет.

В. БАБИЧКОВ

АЛЬПИНИСТ

Он стать альпинистом мечтал с юных лет.
Подрос... и забрался на папин хребет.

Н. МАРКОВ

— Держи, женушка! Поднесешь супруге моего начальника.

Рисунок Б. САВКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ОГНЕОПАСНОЕ НАПОМИНАНИЕ

С некоторых пор в одном поселке участились случаи неосторожного обращения с огнем. Пожарная инспекция провела обследование. Выяснилось, что все жители пользуются спичками производства томской фабрики «Сибирь».

Человек чиркает спичкой, и вдруг ему бросается в глаза этикетка на коробке: она изображает паспорт.

Бросив спичку, он хватает шкатулку с документами и лихорадочно ищет паспорт. Не выцвел ли в паспорте штамп прописки? Не пора ли менять книжицу? Тем временем зажженная спичка делает свое дело.

Только детей до 16 лет этикетка не приводит в замешательство.

ПАСПОРТ
Товарищ!
ПРОВЕРЬТЕ СВОЙ ПАСПОРТ, ПРОПИСАН ЛИ ОН, НЕ ИСТЕК ЛИ ЕМУ СРОК ДЕЙСТВИЯ?

Н. М.

«На Ваш № 1279 относительно жалобы тов. Мазинченко отвечаем, что на основании того, что нет конкретных указанных лиц, я не могу принять меры, но мы вместе с местным комитетом провели общее собрание с официантками и разработали это письмо: где факты не подтвердились, а их можно было установить, так как в то время когда он находился в р-не у нас находилась старшая официантка и бригадир зала, они тоже невкурсе этого дела».

(Из ответа директора ресторана в редакцию газеты «Приазовский рабочий».)

Прислал Н. АЛЕКСАНДРОВ.

г. Жданов.

«Для участия в физкультурном параде родители вместе с коллективом школы создали фон из шестидесяти учащихся с цветами и желтой формой, что потребовало не малого труда».

(Из отчета директора школы.)

Сообщил А. ЧЕРНОВ.

Москва.

«Меня, работника мясного прилавка, вновь открытого в кооперативном магазине, директор тов. Пухов Д. С., полный достоинства от занимаемого столь высокого ответственного поста и умудренный многолетним жизненным опытом, отправил с партией гусятины на экспертизу, но не объяснил, с какой стороны я должен подъехать к санитарному врачу».

(Из заявления.)

«Я, человек морально чистый, не дозволю, чтобы кто-либо брезгал мною при исполнении служебных обязанностей».

(Из письма.)

Собрала Н. СЕРЕБРЕННИКОВА.

Москва.

«Штат работников нашего сельского стационара питается только от двигателя собственной электростанции».

(Из письма в редакцию.)

Выписала Н. КУДРЯВЦЕВА.

«Астапова щеткой в известке ударила тов. Сеникина по лицу, притом абсолютно безвинно. Сеникин не перенес этого аморального обезличивания личности и вынужден был переехать на другую квартиру».

(Из жалобы.)

Прислал Э. ЭЛЬБЕРДОВ.

г. Нальчик.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00033. Изд. № 163. Подписано к печати 19/II 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 489. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

АМЕРИКАНСКИЕ МОДЫ

— Я смотрю, в Лондоне носят то же, что и у нас в Вашингтоне!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436